

УДК 811.111'23
Doi 10.26456/vtfilol/2022.2.180

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ТЕКСТА И СЛОВА: (НЕ) СОВМЕСТИМОСТЬ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ

Е.М. Масленникова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматриваются особенности закрепления культурной памяти текста в СЛОВЕ, получающем контекстуальную маркированность и культурную маркированность. В случае двуязычной текстовой коммуникации СЛОВО определяет особенности актуализации предметной соотнесённости относительно конвенциональной семиотической системы.

Ключевые слова: *текст, контекст, культура, память текста.*

Художественный текст изначально ориентирован его автором на «своего» читателя, владеющего соответствующим культурным кодом и находящегося совместно с ним в едином информационно-смысловом поле. Если подходить к художественному тексту как отчуждённому фрагменту отражённой в нем культуры, то он получает культурно-установочное значение. Стандартная языковая личность владеет стандартными (усреднёнными) нормами языка и культуры. Маркированность отношений внутри оппозиции «своё – чужое» идёт через разделение определённых культурно-языковых маркеров, к которым можно отнести особенности словоупотребления, метафорику, коммуникативные ситуации, речевой этикет, прецедентность и т.п. При оперировании смыслами, сформулированными при отображении текста во внутреннее смысловое представление, т.е. при построении индивидуальной текстовой проекции, читатель опирается на умозаключения относительно имеющихся и хранящихся в его памяти смыслов и значений, получаемых при обращении к тексту.

Ю.М. Лотман предлагает рассматривать культуру как текст, который описывается, с одной стороны, как генератор новых смыслов, а, с другой стороны, как «конденсатор культурной памяти», который может «сохранять память о своих предшествующих контекстах» [5: 162]. Таким образом, память текста образована суммой его контекстов, а внутри текста создаётся смысловое пространство, опосредуемое культурной памятью / традицией. Взаимная скоординированность читателя и текста поддерживается с помощью культурной памяти, от «прочности» которой зависит установление внутритекстовых и межпредметных связей. При чтении художественного текста возникающее эмоциональное переживание практически всегда связано с культурной памятью. Кроме этого, можно говорить об имеющейся у художественного текста «памяти жанра» [3], включающей культурный

опыт читателей, о его «исторической памяти» [9] и о «поэтической памяти» [10]. В большинстве случаев автор и его читатель (читатели) отделены друг от друга во времени и пространстве. Именно временной барьер между ними определяет положение авторской проекции текста и читательской проекции текста относительно интерпретирующего диапазона. Перефразируя слова Р. Барта о том, что «каждое слово, будучи изречённым, отнюдь не стремится погрузить нас во внутренний мир, связанный с его внешним обликом, но неизменно начинает тянуться к другим словам, так, что на поверхности возникает связная цепочка интенций» [2: 328], можно говорить о тройственной сущности СЛОВА: «слово – его внутренний мир» как Мир слова, «слово – его внешний мир» как Мир текста и Мир автора и «слово – другое слово» как Мир текста и Мир автора. Включённое в текст СЛОВО образует связи трёх типов: 1) контекстные (узкие и широкие), 2) внеконтекстные или интертекстуальные и 3) пространственно-временные. Обладая динамическим значением, слово образует ассоциативные миры «для себя» (рефлексивность поэтического слова как его свойство) и динамический ассоциативный мир текста. Частотность слова в конкретном тексте находится в отношениях корреляции с моделью мира автора текста.

Специфика контекста предъявления СЛОВА предопределяет выбор его значений, в том числе связанных с культурно-специфичными смыслами. В английском детском стихотворении «The dove says so, so, what shall I do?» из «Nursery Rhymes» глаголы *maintain* ‘содержать’ и *keep* ‘содержать, обеспечивать, иметь на иждивении’ связаны не просто с темой обеспечения родителями своего потомства необходимой едой. Они выводят на проблему обеспечения детям необходимого классового статуса, отражая при этом принятые в английском обществе правила ведения разговора о детях [11] с их иронией и притворным самоуничижением. Голубка (*dove*) сообщает своей собеседнице птичке королю (*wren*), что она с трудом может позволить себе содержать двух детей-птенцов (*I can scarce maintain two*). Вторая участница диалога произносит типично английское междометье, выражающее пренебрежение или презрение (*Pooh, pooh*), заявляя, что она-то способна обеспечить десятерым воспитание, подобающее настоящим джентльменам (*And keep them all like gentlemen*). Перевод изменяет отношение героев к воспитанию и содержанию потомства, большее внимание уделено вопросу обеспечения едой (нет сил еду добыть; прокормить легко), что, возможно, было более значимым и важным для времени публикации перевода в 1988 году. Стоящая за СЛОВОМ смысловая символика также является культурно-специфичной. Зооморфный образ наседки (или курицы) часто используется в качестве характеристики женщины, навязчиво опекающей своих детей [7].

Таким образом, перевод становится регламентированными несколькими социальными и ролевыми конвенциями.

<i>The dove says, Coo, coo, what shall I do? I can scarce maintain two. Pooh, pooh, says the wren, I have ten, And keep them all like gentlemen!</i>	<i>Вздохнула голубка: «Гуль-гуль, как быть? Нет сил для двоих мне еду добыть!» Смеётся наседка: «А я, ко-ко, Могу восьмерых прокормить легко!»</i> (Перевод В. Лунина, 1988)
--	---

Как отмечает И.И. Ревзин, «перевод интересен как механизм, рельефно проявляющий (в случае удачи) художественную модель произведения, которую <...> можно установить, фиксируя то, что сохраняется в переводе, т.е. то общее, что объединяет текст перевода и оригинального произведения», а «поэтическая модель легче всего обнаруживается как инвариант перевода» [6: 245]. Вероятностный характер усмотрения читателем смыслов и значений позволяют говорить в [12] о понимании частичном (partial) и адекватном (adequate). Если смысл трактуется как «проекция плана содержания языкового выражения на сознание интерпретатора с присущими ему представлениями о мире и системой ценностей» [4: 333], то читательская проекция текста находится под влиянием феноменов, которые имеют одновременно когнитивную, культурную, поведенческую и социальную основу, что позволяет по-иному взглянуть на причины и предпосылки множественности переводов, влияющих «на репрезентацию знаний о мире в сознании конкретного индивида, и, в том числе, репрезентацию в его сознании субъективного образа воспринятого текста, на основе которого возникает тот или иной вариант перевода» [1: 130]. Художественный текст всегда п-значен, что предполагает поливариантность его понимания. Он содержит в себе множество всех существующих и потенциальных интерпретаций / толкований. Ориентация внутри данных, связанных с концептуальными объектами в памяти и необходимых для представления некоторой стереотипной типической ситуации, подразумевает их отбор относительно момента «здесь–и–сейчас». Пространство из английского стихотворения «In a cottage in Five...» изменяется исходя из привычных норм: если в оригинале семейная пара, о которой идёт речь, живёт в отдельном коттедже (*In a cottage in Five // Lived a man and his wife*), то в переводе Г. Варденги (2012) они становятся непосредственными соседями рассказчика (*У меня за стеной // Жил мужчина с женой...*).

Если «когнитивное сознание – это совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность» и «коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [8: 21], коммуникативные категории получают концептуальный характер, упорядочивая сведения о нормах и правил коммуникации. Наряду с универсальными коммуникативными

категориями (кроме гендерных, возрастных, социальных, профессиональных) существуют лакунарные. Английский школьник из стихотворения «A diller, a dollar» пришёл на занятия в полдень (*now you come at noon*), т.е. опоздал на два часа (*used to come at ten o'clock*). Занятия в советских школах начинались с восьми часов или с половины девятого, поэтому С.Я. Маршак изменяет время (*ты всегда приходишь в восемь*), сохраняя двухчасовое опоздание (*теперь десятый час*). Перевод «Mary had a little lamb» отражает сложившиеся стереотипные представления о гендерной принадлежности школьных учителей (*the teacher did reply*). В переводе С.Я. Маршака занятия в первом классе ведёт учительница, что объясняется моделью гендера в профессии: в начальной школе обычно преподают женщины.

Этнопространство текста образовано культурноспецифичными и социумнозначимыми переменными. Мода конца XVIII века, когда носили красные или светло-синие чулки до колен, а туфли украшались серебряными пряжками (*Shoes tied up with silver*), нашла отражение в стихотворении «Red stockings, blue stockings». Если в «женском» переводе К. Атаровой (2002) гамма наряда сохранена в другом виде (*На ножке – красный баумачок // И синенький чулочек*), то «мужской» перевод Г. Варденги (2012) переключает внимание на *стройную ножку и баумачок из бархата*, на котором *из серебра застёжка*. Функция реалий заключается в поддержании иллюзии реальности событий, представленных в тексте, образное пространство которого может в определённой степени считаться фиктивным, если исходить из системы пространственных и временных координат, соответствующих реальной действительности. Из-за национально-обусловленной категоризации заставляют безымянные деревья (*trees*) превращаются в *берёзы и ёлки*.

В тексте СЛОВО приобретает не только контекстуальную маркированность, но и культурную маркированность. В случае двуязычной текстовой коммуникации СЛОВО определяет особенности актуализации предметной соотнесённости относительно конвенциональной семиотической системы. Несовместимость автора и читателя приводит к нарушению Мира текста, к вытеснению в получаемой читательской проекции «чужого» этнокультурного мира и замещению его «своим» привычным и, чаще всего, устоявшимся миром.

Список литературы

1. Алексеева Ю.М. Множественные переводы как интертекстуальный феномен // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. 2013. № 4 (25). С. 130–135.
2. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.

4. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303–359.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. 704 с.
6. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. М.: Наука, 1977. 263 с.
7. Русское культурное пространство. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.
8. Стернин И.А. Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 21–28.
9. Устин А.К. Генетика текста – генетика культуры. СПб.: «SuperMax», 1995. 80 с.
10. Фатеева Н.А. Автокоммуникация как способ развёртывания лирического текста // Филологические науки. НДВШ. 1995. № 2. С. 53–63.
11. Фокс К. Наблюдая за англичанами. М.: РИПОЛ классик, 2011. 512 с.
12. Dijk T.A. van. Strategic discourse comprehension // Linguistic Dynamics: discourses, procedures and evolution. Berlin: de Gruyter, 1985. Pp. 29-61.

Об авторе:

МАСЛЕННИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru.

**CULTURAL MEMORY OF TEXTS AND WORDS:
(IN) COMPATIBILITY IN BILINGUAL TEXT COMMUNICATION**

E.M. Maslennikova

Tver State University, Tver

The cultural memory of texts is fixed in their words picked up by authors to convey textual meanings. In fiction words get contextual marking and cultural marking. In the case of bilingual textual communication, words predetermine actualization of semiotic systems within texts and national literatures.

Keywords: *text, context, culture, text memory.*

About author:

MASLENNIKOVA Evgeniya Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Hermeneutical Linguodidactics and English Philology, Tver State University, e-mail e-maslennikova@inbox.ru